



Филип Рот ЦУКЕРМАН  
ОСВОБОЖДЕННЫЙ

III  
проза еврейской жизни

**Филип Рот**  
**Цукерман освобожденных**  
Серия «Проза еврейской жизни»

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67255013](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67255013)*

*Цукерман освобожденный:*

*ISBN 978-5-906999-08-5*

**Аннотация**

«Цукерман освобожденный» – вторая часть знаменитой трилогии Филипа Рота о писателе Натане Цукермане, альтер эго самого Рота. Здесь Цукерману уже за тридцать, он – автор нашумевшего бестселлера, который вскружил голову публике конца 1960-х и сделал Цукермана литературной «звездой». На улицах Манхэттена поклонники не только досаждают ему непрошеными советами и доморощенной критикой, но и донимают угрозами. Это пугает, особенно после недавних убийств Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Слава разрушает жизнь знаменитости. Цукерман начинает сторониться старых друзей, расстается с женой, его младший брат порывает с ним. И все оттого, что сбылась писательская мечта: он создал мировой бестселлер...

# Содержание

1	5
2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Филип Рот**

# **Цукерман освобожденный**

Philip Roth/Zuckerman Unbound

Copyright © 1981 by Philip Roth All rights reserved

© ИД «Книжники», 2019

© В. Пророкова, перевод, 2019

© А. Бондаренко, оформление, 2019

*Посвящается  
Филипу Гастону  
(1913–1980)*

*Пусть Натан поймет, каково это, когда тебя  
возвращают из забвения. И пусть не приходит, не  
барабанит нам в дверь со словами, что не этого он  
хотел.*

*Э. И. Лонофф жене. 10 декабря 1956 года*

## «Я – Алвин Пеплер»

Какого хрена ты тащишься на автобусе, при твоём-то бабле? Поинтересовался этим низкорослый, крепко сбитый парнишка, коротко стриженный, в новом деловом костюме; он мечтательно листал автомобильный журнал и тут вдруг увидел, кто сидит с ним рядом. Этого было достаточно – он завелся.

Нелюбезный ответ Цукермана – перемещаюсь в пространстве на автобусе – его не остановил, и он радостно дал совет. В последнее время все давали, если его встречали.

– Купил бы вертолет. Я бы точно купил. Приобрел бы право на посадку на жилых домах и летал бы себе над собачьим дерьмом. Эй, видите этого типа? – Второй вопрос он обратил к мужчине в проходе, читавшему «Таймс».

Автобус шел по Пятой авеню, на юг, от нового места жительства Цукермана в Верхнем Ист-Сайде. Он ехал на Пятьдесят вторую, к инвестиционному консультанту: встречу организовал его агент Андре Шевич – надо было диверсифицировать капиталовложения. Прошли те времена, когда Цукермана заботило только то, как бы Цукерману заработать денег: теперь ему нужно было беспокоиться о том, чтобы его деньги зарабатывали деньги. «А где они у вас сейчас?» –

спросил инвестиционный консультант, когда Цукерман наконец ему позвонил. «В чулке лежат», – ответил Цукерман. Инвестиционный консультант расхохотался: «Вы намерены и впредь их там хранить?» Он ответил «да», хотя в тот момент было проще сказать «нет». Цукерман втайне от всех объявил мораторий на все серьезные решения, проистекающие из ошеломительного успеха. Когда сможет снова мыслить ясно, тогда и будет действовать. Это всё, эта удача – что она означает? Свалилась так неожиданно и в таких масштабах, ошеломила – хуже несчастья.

Поскольку Цукерман обычно в час пик никуда не выходил – разве что с чашкой кофе к себе в кабинет, перечитать написанный вчера абзац, – он слишком поздно понял, что для поездки на автобусе выбрал неподходящее время. Но по-прежнему отказывался верить, что не может появляться где и когда захочет так же свободно, как полтора месяца назад, не напомнив себе предварительно, кто он такой. Обычных каждодневных размышлений о том, кто он есть, и так, без горба нарциссизма, таскать за собой было тяжело.

– Эй! Эй! – Сосед Цукермана не унимался – все пытался отвлечь мужчину в проходе от «Таймс». – Видишь, кто рядом со мной?

– Теперь вижу, – последовал суровый, раздраженный ответ.

– Это он написал «Карновского». Ты что, в газетах не читал? Он только что заработал миллион баксов, а едет на ав-

тобусе.

Услышав, что в салоне миллионер, две девочки в одинаковой серой форме – две хрупкие, милые девчушки, вне всякого сомнения, хорошо воспитанные сестрички, едущие в центр, в монастырскую школу, – обернулись на него посмотреть.

– Вероника, – сказала младшая, – это тот человек, что написал книгу, которую мама читает. Это Карновский.

Девочки забрались с коленями на сиденья, чтобы развернуться к нему. Пара средних лет в ряду напротив девочек тоже обернулась.

– Давайте-ка, девочки, – сказал Цукерман почти с улыбкой, – займитесь домашними заданиями.

– Наша мама, – сказала старшая, взяв дело в свои руки, – читает вашу книгу, мистер Карновский.

– Замечательно. Но маме не понравилось бы, что вы разглядываете людей в автобусе.

Не сработало. Френологию они у себя в Святой Марии изучают, что ли?

Тем временем сосед Цукермана обернулся к сиденью за ними и стал объяснять какой-то женщине, что тут такого важного происходит. Пусть и она поучаствует. По-семейному.

– Я сижу рядом с парнем, который только что заработал миллион долларов. А может, и два.

– Что ж, – раздался тихий, воспитанный женский голос. –

Надеюсь, такие деньги его не испортят.

Не доехав пятнадцати кварталов до офиса инвестиционного консультанта, Цукерман дернул за шнур, чтобы автобус остановился, и вышел. Уж здесь-то, в рассаднике асоциальных личностей, наверняка еще можно оставаться на людных в час пик улицах никем. Если нет, усы, что ли, отрастить. Возможно, это далеко от жизни, какую ты ощущаешь, видишь, знаешь и хочешь узнавать, но если понадобятся всего-навсего усы, бога ради, отрасти усы. Ты не Пол Ньюман, но уже и не такой, как прежде. Усы. Контактные линзы. Может, яркий костюм поможет. Постарайся выглядеть так, как выглядят сейчас все, а не так, как выглядели все двадцать лет назад на гуманитарном факультете. Меньше походи на Альберта Эйнштейна, больше на Джими Хендрикса. Да, и раз уж на то пошло, как насчет походки? Он так и так давно собирался ею заняться. Цукерман ходил, слишком близко ставя колени, к тому же чересчур быстро. Мужчине 180 сантиметров ростом лучше быть неторопливым. Но он неизменно забывал про неторопливость на первом десятке шагов – шагов двадцать, тридцать, и он, вместо того чтобы думать, как идет, погружался в мысли. Что ж, пришла пора к этому вернуться, тем более что пресса принялась пристально изучать его сексуальную состоятельность. Ходить так же агрессивно, как работаешь. Ты миллионер, вот и ходи соответственно. На тебя люди смотрят.

Он попал в дурацкое положение. Нашелся кто-то – жен-



щина в автобусе, которой пришлось объяснять, почему все остальные так возбудились. Высокая худая пожилая дама с густо напудренным лицом... Только почему она бежит за ним следом? И пытается открыть сумочку? Прилив адреналина был Цукерману сигналом: и ты беги!

Видите ли, не все были в восторге от книги, которая сделала Цукермана богачом. Многие уже начали его бранить. «За то, что он изобразил евреев извращенцами, изобразил, как они занимаются адюльтером, эксгибиционизмом, мастурбацией, содомией, фетишизмом и грязным сутенерством», а некто на фирменном бланке, не уступающем по внушительности президентскому, даже счел, что его «следует расстрелять». И весной 1969 года это уже был не просто оборот речи. Шла бойня во Вьетнаме, и многие американцы как в зоне боевых действий, так и вне ее впали в иступление. Всего около года назад убили Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди. Да и совсем рядом – бывший учитель Цукермана так и продолжал скрываться, потому что в него стреляли в окно кухни, когда он как-то вечером сидел за столом со стаканом теплого молока и романом Вудхауса. Холостяк, уже вышел на пенсию, тридцать пять лет преподавал в Университете Чикаго среднеанглийский. Курс он читал сложный, но не запредельно сложный. Однако теперь дать по морде считалось недостаточным. Обиженные мечтали теперь не врезать по носу, а разорвать на куски: только уничтожение могло удовлетворить надолго. На съезде Демократической пар-

тии предыдущим летом полицейские били сотни человек дубинками, топтали лошадьми, швыряли об стеклянные витрины за нарушение порядка и благопристойности куда менее серьезные, чем те, в которых обвиняли Цукермана все его корреспонденты. Цукерман вполне допускал, что в какой-нибудь заплеванной комнатухе висит на стене обложка «Лайфа» с его фото (без усов) и некий псих-одиночка, лежа в кровати, метает в нее дротики. Фото на обложке с подробной статьей и так уже испытание для писателей – друзей писателя, а уж тем более для полуграмотного психопата, которому, возможно, неизвестно, сколько хорошего он сделал в ПЕН-клубе. Ах, мадам, знали б вы, какой я на самом деле! Не стреляйте! Я серьезный писатель, и вообще, я такой же, как все!

Но молить о пощаде было поздно. За стеклами очков без оправы зеленые глаза напудренной фанатички налились убежденностью; подойдя вплотную, она вцепилась ему в руку.

– Ни за что... – она была немолода и с трудом справлялась с одышкой, – ни за что не позволяйте деньгам себя изменить, кем бы вы ни были. Деньги никогда никого не делали счастливым. Это только Ему под силу. – Она достала из сумочки размером как раз для «люгера» открытку с изображением Иисуса и сунула ему в руку. – «Нет человека праведного на земле, – напомнила ему она, – который делал бы добро и не

грешил бы<sup>1</sup>. Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас»<sup>2</sup>.

Позже тем утром он потягивал у стойки кофе – в кафе рядом с офисом инвестиционного консультанта, изучая – впервые в жизни – деловую страничку утренней газеты, и тут подошла женщина средних лет и с улыбкой сообщила ему, что, прочитав в «Карновском» о том, как он шел к сексуальной свободе, она сама стала менее «зажатой». В банке в Рокфеллер-плаза, куда он зашел обналичить чек, длинноволосый охранник шепотом спросил его, можно ли потрогать пальто мистера Цукермана – хотел, вернувшись вечером домой, рассказать об этом жене. Когда он шел через парк, симпатично одетая молодая истсайдская мамаша, гулявшая с ребенком и собакой, преградила ему дорогу, сказав: «Вам не хватает любви, вам все время не хватает любви. Мне жаль вас». В зале периодики публичной библиотеки пожилой джентльмен постучал ему по плечу и с сильным акцентом – с таким говорил дедушка Цукермана – сообщил, что ему очень жаль его родителей. «Вы не всю свою жизнь описали, – сказал он с грустью. – В вашей жизни куда больше всего. Но вы это просто опустили. Чтобы свести счеты». И, наконец, дома – в холле его ожидал крупный веселый темнокожий мужчина из электрокомпании, чтобы снять показания счетчика.

---

<sup>1</sup> Екклезиаств, 20:7. – *Здесь и далее примеч. перев.*

<sup>2</sup> Первое послание Иоанна, 1:8.

«Слушайте, так вы прямо все это вытворяли, что в книжке? Со всеми этими телками? Ну вы даете!» Показания счетчика снимает. А люди – они не показания счетчика снимают, они его книгу читают как его показания.

Цукерман был высокого роста, но не такой высокий, как Уилт Чемберлен<sup>3</sup>. Худой, но не такой худой, как Махатма Ганди. Одет он был как обычно: бежевая вельветовая куртка, серый свитер с высоким горлом, хлопковые брюки цвета хаки – не без элегантности, но – не Рубироса<sup>4</sup>. Темными волосами и крупным носом в Нью-Йорке никого не удивишь – это же не Рейкьявик и не Хельсинки. Но раза два, три, четыре в неделю его все-таки замечали. «Это Карновский!» «Эй, Карновский, ты поосторожнее, за такое и арестовать могут!» «Эй, Гил, хочешь, трусики покажу?» Поначалу, услышав, как его окликают на улице, он в ответ махал рукой – демонстрировал, что он свой парень. Как было проще, так он и поступал. Потом стало проще делать вид, что он не слышит, и идти дальше. Потом стало проще делать вид, что ему что-то послышалось, будто это случилось в мире, которого не существует. Перевоплощение они воспринимали как саморазоблачение и обращались к персонажу из книги. Цукерман пытался воспринимать это как похвалу – он убе-

---

<sup>3</sup> Уилтон Чемберлен (1936–1999) – американский баскетболист, его рост был 216 см.

<sup>4</sup> Порфирио Рубироса Ариса (1909–1965) – доминиканский дипломат, знаменитый плейбой.

дил настоящих людей в том, что и Карновский настоящий, – но в конце концов стал делать вид, что он – это только он сам, и быстрыми мелкими шагами шел дальше.

В конце дня он отправился из своего нового квартала в Йорквилл и на Второй авеню нашел именно то пристанище, которое искал. Идеальное местечко, где можно спокойно посидеть с вечерней газетой – во всяком случае, так ему показалось, когда он заглянул внутрь через увешанную палками салями витрину: официантка лет шестидесяти с потекшим макияжем и в стоптанных шлепанцах, а за стойкой с сэндвичами гигант в белом, как манхэттенская слякоть, фартуке и с разделочным ножом. Было самое начало седьмого. Достаточно времени, чтобы съесть сэндвич и вернуться к семи домой.

– Прошу прощения...

Цукерман поднял взгляд от захватанного меню: у его столика стоял мужчина в темном плаще. С десяток остальных столов пустовали. Незнакомец держал шляпу в руке, всем своим видом показывая, что снял ее в знак уважения.

– Прошу прощения, я только хотел вас поблагодарить.

Мужчина был крупный, широкогрудый, с покатыми плечами и мощной шеей. Его лысую голову прикрывала единственная прядь волос, а в остальном внешность его была мальчишеская – гладкие румяные щеки, живые карие глаза, крючковатый нос торчком.

– Поблагодарить? За что?

Впервые за полтора месяца Цукерман решил притвориться, что он – совершенно другой человек. Он учился жить в новых обстоятельствах.

Его поклонник счел это скромностью. Живые, грустные глаза влажно блеснули.

– Господи, да за все! За юмор. За сострадание. За понимание наших глубинных мотивов. За все, что вы напомнили нам о человеческой комедии.

Сострадание? Понимание? Всего несколько часов назад старик в библиотеке сообщил, как ему жаль его родителей. Сегодня его встречали то так, то этак. – Очень любезно с вашей стороны, – сказал Цукерман.

Незнакомец показал на меню в руке Цукермана:

– Прошу вас, заказывайте. Никак не хотел вам навязываться. Был в уборной, вышел – и глазам своим не поверил. Встретить вас в подобном месте! Я только хотел подойти и поблагодарить вас перед уходом.

– Все в порядке.

– Самое невероятное, что я тоже из Ньюарка.

– Да что вы?

– Родился там и вырос. Вы уехали в сорок девятом, да? Теперь это совершенно другой город. Вы бы его не узнали. Вам бы не понравилось.

– Да, мне рассказывали.

– Сам я до сих пор там. Тружусь на износ.

Цукерман кивнул и помахал официантке.

– Вряд ли люди могут оценить то, что вы делаете для старого Ньюарка, если они сами не оттуда.

Цукерман заказал сэндвич и чай. Откуда он знает, что я уехал в сорок девятом? Наверное, в «Лайфе» прочел.

Он улыбнулся, ожидая, когда же незнакомец тронется в путь, за реку.

– Вы, мистер Цукерман, наш Марсель Пруст.

Цукерман рассмеялся. Он представлял это немного иначе.

– Я серьезно. Без шуток. Боже упаси! На мой взгляд, вы и Стивен Крейн – вот два великих ньюаркских писателя.

– Очень любезно с вашей стороны.

– Есть еще Мэри Мейпс Додж, однако «Серебряные коньки» хоть и прекрасная книга, но детская. Я бы поставил ее на третье место. И Лерой Джонс, но его я без колебаний ставлю на четвертое место. Я это говорю безо всяких расистских предрассудков и никак не увязываю это с трагедией, которую переживает город в последние годы, но то, что он пишет, это не литература. На мой взгляд, это негритянская пропаганда. Нет, из писателей у нас вы и Стивен Крейн, из актеров – Род Стайгер и Вивиан Блейн, из драматургов – Дор Шери, из певцов – Сара Воэн, из спортсменов – Джин Хермански и Херб Краутблатт. Я нисколько не хочу ставить в один ряд спортивные достижения и ваши книги. Я уверен, что настанет время, когда школьники будут приезжать в Ньюарк, чтобы...

– Что вы, – сказал Цукерман – его это забавляло, но он никак не мог понять причины таких словоизвержений, – что вы, вряд ли школьников станут возить туда из-за одного меня. Тем более что «Империю» закрыли.

«Империей» назывался давно прекративший свое существование стрип-клуб на Вашингтон-стрит – в его полумраке многие парнишки Нью-Джерси впервые увидели трусики-стринги. Одним из них был Цукерман, другим – Гилберт Карновский.

Мужчина вскинул руки – и шляпу, – мол, сдаюсь.

– Что ж, у вас и в жизни исключительное чувство юмора. Мне на такое и ответить достойно не удастся. Но вы еще увидите! К кому еще им обратиться, когда они захотят вспомнить, каково это было в старые времена. В «Карновском» вы навеки вечные запечатлели то, каково это – расти в нашем городе, будучи евреем.

– Еще раз большое вам спасибо. Правда, спасибо за все ваши добрые слова.

Подошла официантка с его сэндвичем. На этом разговор должен закончиться. Собственно, приятно закончился. За словоизвержением больше ничего и не было – только то, что книга кому-то понравилась. Чудесно.

– Спасибо, – сказал Цукерман – в четвертый раз – и церемонно приподнял половинку сэндвича.

– Я ходил в Саут-Сайд. Выпуск сорок третьего.

В средней школе Саут-Сайд в умирающем центре старого



промышленного города даже во времена Цукермана, когда Ньюарк был еще по большей части белым, чуть ли не половина учеников была из чернокожих. В его школьном округе на дальнем краю более нового жилого района Ньюарка в двадцатые и тридцатые селились в основном евреи, уезжавшие из захудалых иммигрантских анклавов центральных районов, — хотели растить там детей, которых рассчитывали отдавать в университеты и юридические или медицинские школы, чтобы те со временем поселились в пригородах Оринджа, где теперь был большой дом у родного брата Цукермана, Генри.

— А вы в Викахике учились. Выпуск сорок девятого?

— Видите ли, — извиняющимся тоном сказал Цукерман, — мне надо поесть и бежать. Простите. — Это вы меня простите, пожалуйста! Я только хотел сказать... Впрочем, я уже сказал, да? — Он смущенно усмехнулся собственной настойчивости. — Спасибо вам, еще раз спасибо. За все. Это такое удовольствие! Так захватывающе! Бог свидетель, я не хотел вас донимать.

Он удалился к кассе, заплатить за еду, Цукерман проводил его взглядом. Он оказался моложе — возраст ему прибавляли темная одежда, грузность и слегка пришибленный вид, — но еще нелепее, а поскольку вдобавок и косолапил, выглядел более жалким, чем предполагал Цукерман.

— Прошу прощения. Мне очень неловко.

Снова шляпа в руке. Цукерман был уверен, что видел его

уже в дверях, со шляпой на голове.

– Да?

– Вам, наверное, это покажется смешным. Но я тоже пытаюсь писать. Уверяю вас, конкуренции я вам не составлю, не беспокойтесь. Стоит самому попробовать, начинаешь по-настоящему восхищаться великолепными достижениями таких писателей, как вы. Какое требуется феноменальное терпение! День за днем сидеть перед чистым листом бумаги.

Цукерман успел подумать, что следовало бы из приличия пригласить его присесть и поболтать, пусть хоть на минутку. Вспомнив, как тот подошел к его столику и объявил: «Я тоже из Ньюарка», он даже почувствовал с ним некоторую сентиментальную связь. Но когда этот ньюаркец вернулся к столику и заявил, что он тоже писатель, сентиментальность куда-то улетучилась.

– Я хотел узнать, не порекомендуете ли вы мне издателя или агента, который мог бы помочь кому-то вроде меня.

– Нет.

– Что ж, нет так нет. Я понимаю. Просто решил спросить. Видите ли, у меня уже есть продюсер – он хочет сделать мюзикл на основе моей жизни. Сам-то я считаю, что сначала публике следует представить ее в виде серьезной книги. Со всеми фактами.

Молчание.

– Понимаю, вам это кажется абсурдом, вы свое мнение держите при себе из вежливости. Но все так и есть. И совер-

шенно не важно, что я не из тех, кто что-то собой представляет. Да, я такой. Это понятно с одного взгляда. Из того, что со мной произошло, можно мюзикл сделать.

Молчание.

– Я – Алвин Пеплер.

Что ж, хоть не Гудини. На миг показалось, что грядет нечто в этом духе.

Алвин Пеплер ждал, что скажет Натан Цукерман, узнав, что перед ним Алвин Пеплер. Не услышав ничего, он поспешил Цукерману на помощь. И себе тоже.

– Конечно, таким людям, как вы, это имя ни о чем не говорит. Вам есть чем заняться, кроме как пялиться в телевизор. Но я подумал, раз мы земляки, может, кто из ваших родственников обо мне упоминал. Я этого вам не говорил, решил, что не к месту, но родственница вашего отца, Эсси Слифер, в те далекие времена ходила в одну школу, в Центральную, с Лотти, сестрой моей матери. У них год разницы. Не знаю, поможет ли это, но я тот, кого в газетах называли «Пеплер, человек из народа». Я – «Алвин, еврей-морпех».

– Да, конечно, – ответил Цукерман, обрадовавшись, что хоть что-то может сказать. – Вы – победитель викторины. Участвовали в одной из передач.

О, это было далеко не все. Источавшие подобострастие карие глаза скорбно и обиженно блеснули, налившись не слезами, куда хуже – *правдой*.

– Мистер Цукерман, три недели подряд я был победите-

лем самой важной из них. Важнее, чем «Двадцать один». В денежном выражении приз был больше, чем в «Вопросе на 64 тысячи долларов». Я был победителем «Умных денег».

Цукерман, насколько ему помнилось, не видел ни одной из этих викторин конца пятидесятых и одной от другой не отличил бы; у него с первой женой, Бетси, даже телевизора не было. Впрочем, он вспомнил, что кто-то из родственников – скорее всего, Эсси – однажды упомянул о семействе Пеплер из Ньюарка и об их чудаковатом сыне, победителе викторин и бывшем морпехе.

– И именно Алвина Пеплера выпихнули, чтобы дать дорогу великому Хьюлетту Линкольну. Моя книга об этом. О том, как американскую публику обвели вокруг пальца. Манипулировали доверием десятков миллионов невинных людей. И о том, как я стал парией за то, что предал это огласке. Они меня создали, а затем уничтожили, но, мистер Цукерман, они меня еще не добились. Остальные участники событий давно уже продвинулись дальше – вперед и вверх по корпоративной лестнице, и всем глубоко наплевать, что они воры и лжецы. Но поскольку я для этих жалких мошенников лгать отказался, десять лет я ходил клейменый. Любой жертве маккартизма куда лучше, чем мне. Вся страна обратилась против такого мерзавца, с невинных были сняты все подозрения и так далее, пока хоть какая-то справедливость не восторжествовала. А имя Алвина Пеплера по сей день во всех телекомпаниях под запретом.

Цукерман наконец припомнил, какой шум поднялся вокруг этих викторин, но вспомнил не столько Пеплера, сколько Хьюлетта Линкольна, философического юношу-журналиста из глубинки, сына губернатора Мэна от республиканцев – он, когда участвовал в состязаниях, был самой известной телезнаменитостью Америки, им восхищались школьники, их учителя, их родители и дедушки с бабушками, пока не разразился скандал и школьники узнали, что ответы, так легко вылетающие из уст Хьюлетта Линкольна, когда он сидел в отдельной кабинке во время викторины, ему заранее передавали продюсеры. История попала на первые полосы газет, а кончилось все, подсказала Цукерману память, нелепее не придумаешь – дошло до расследования в конгрессе.

– Мне бы и в голову не пришло, – рассказывал Пеплер, – нас сравнивать. Образованный писатель вроде вас и человек, которому повезло родиться с фотографической памятью, – это явления совершенно разные. Но пока я участвовал в «Умных деньгах», заслуженно или нет, меня уважала вся страна. Спросить меня, так я считаю, еврейскому народу никак не помешало, что морпех, ветеран двух войн стал их представителем и три недели подряд держался в победителях главной телевикторины Америки. Возможно, вы с презрением относитесь к таким шоу, даже к честным. У вас больше, чем у кого бы то ни было, есть такое право. Но в те времена обычные люди воспринимали это иначе. Поэтому, когда в эти три великие недели я был лидером, я открыто

говорил о своих религиозных убеждениях. Сказал с самого начала. Я хотел, чтобы вся страна узнала, что еврей-морпех умеет сражаться не хуже остальных. Я никогда не называл себя героем войны. Куда мне до героя. Я, как и все, трясся от страха в окопе, но никогда не удирал, даже под обстрелом. Разумеется, на полях сражений было немало евреев, и куда храбрее меня. Но именно я оказался тем, кто рассказал об этом американскому народу, а если я сделал это посредством викторины – что ж, такой уж путь мне был предоставлен. Потом, разумеется, в «Вэрайети» меня стали обзывать, придумали словечко «викторинчик», и это было началом конца. Викторинчик – через «ч». А ведь я был единственным, кто не хотел пользоваться их ответами. Я хотел от них только одного – пусть мне дадут тему, чтобы я мог все изучить и запомнить, а потом – сражаться, честно и по справедливости. Да я мог бы тома написать об этих людях, о том, что они со мной сделали. Вот почему то, что я случайно встретил вас, вдруг оказался рядом с великим писателем из Ньюарка, – это в данный момент для меня настоящее чудо. Потому что, если я смогу написать и издать книгу, я искренне уверен – люди прочитают ее и во всем удостоверятся. И я смогу восстановить свою репутацию. И та толика хорошего, что я совершил, не канет в забвение. Те невинные, кому я навредил, кого опорочил, миллионы людей, кого я подвел, в особенности евреи, они наконец узнают, как все было на самом деле. Они простят меня.

Исполненная им ария пробрала и его самого. Карие зрачки сверкали, как расплавленный металл – казалось, упади капля из глаза Пеплера, она прожжет тебя насквозь.

– Ну, если дело обстоит так, – сказал Цукерман, – вам надо этим заниматься.

– Я и занимаюсь. – Пеплер выдавил из себя улыбку. – Десять лет жизни на это ушло. Вы позволите? – Пеплер указал на пустой стул.

– Да, пожалуйста, – ответил Цукерман, стараясь не думать о последствиях.

– Только над этим и трудился, – сказал Пеплер, в возбуждении ерзая на стуле. – Трудился каждый вечер в течение десяти лет. Да вот таланта у меня нет. Так, во всяком случае, мне говорят. Я послал свою книгу в двадцать два издательства. Я пять раз ее переписывал. Я плачу молодой учительнице из школы «Колумбия» в Саут-Ориндже, которая до сих пор считается одной из лучших, плачу почасово – она исправляет мне грамматику и пунктуацию там, где надо. Я бы и помыслить не мог показать кому-нибудь хоть страницу этой книги, пока она не проверит все ошибки. Слишком уж дело важное. Но если сочли, что у тебя нет таланта, – все, разговор окончен. Вы можете решить, что я просто озлобился. Я бы на вашем месте так и подумал. Но эта учительница, мисс Дайамонд, она считает: сейчас им достаточно увидеть, что это от Алвина Пеплера, и рукопись сразу летит в мусорную корзину. Они как увидят мое имя, дальше не чи-

тают. Я теперь для любого самого мелкого из издателей личность анекдотичная. – Он говорил лихорадочно, но взгляд его теперь, когда он сидел за столом, казалось, был прикован к остаткам сэндвича на тарелке Цукермана. – Вот почему я спросил вас про агента или издателя – хочу, чтобы посмотрел кто-нибудь новый, без предвзятости. Тот, кто поймет, что это все серьезно.

Цукерман, сам любитель всего серьезного, все же не собирался поддерживать беседу об агентах и издателях. Если у американского писателя и могла найтись причина искать убежища в коммунистическом Китае, то только одна – уехать за десятки тысяч километров прочь от подобных разговоров.

– Но есть же еще и вариант с мюзиклом, – напомнил ему Цукерман.

– Серьезная книга – это одно, а бродвейский мюзикл – совсем другое.

Еще одна тема, которой Цукерман хотел бы избежать. Звучит как заявка на курс в Новой школе<sup>5</sup>. – Если, – слабым голосом добавил Пеплер, – его когда-нибудь поставят.

Цукерман, оптимистично:

– Ну, если у вас есть продюсер...

– Да, но пока что это только джентльменское соглашение. Пока никаких денег не заплачено, ничего не подписано. Работу предполагается начать, когда он вернется. Тогда мы и

---

<sup>5</sup> Новая школа – частный исследовательский университет в Нью-Йорке.



заклучим сделку.

– Ну, это уже что-то.

– Поэтому-то я и приехал в Нью-Йорк. Живу у него, наговариваю на магнитофон. Мне предложено только это. Он, как и магнаты издательского мира, не хочет читать то, что я написал. Хочет, чтобы я наговаривал на пленку, пока он не вернется. И чтобы никаких размышлений. Только истории. Ну, нищему выбирать не приходится.

На этой ноте можно и попрощаться.

– Но вы, – воскликнул Пеплер, увидев, что Цукерман встает, – съели только половинку сэндвича! – Нет времени. – Он показал на часы. – Меня ждут. У меня встреча.

– Прошу прощения, мистер Цукерман. Вы уж меня извините.

– Удачи с мюзиклом. – Он пожал Пеплеру руку. – И во всем остальном удачи.

Пеплер не мог скрыть, что расстроен. Пеплер вообще ничего не мог скрыть. Или это способ скрыть все? С ходу и не решить, и вот – еще одна причина уйти.

– Огромное спасибо. – А затем, приниженно: – Слушайте, от высокого к низкому...

Что теперь?

– Вы не будете возражать, если я съем ваш огурчик?

Это что, шутка? Издевка?

– Никогда не могу удержаться, – объяснил он. – С детства у меня такая заморочка.

– Да ради бога, – сказал Цукерман, – не стесняйтесь.

– Вы правда не хотите...

– Нет-нет.

Он не сводил глаз и с недоеденной половинки сэндвича. И он не шутил. Был слишком сосредоточен. – Ну, раз уж я начал... – сказал он с самоуничижительной улыбкой.

– Да конечно.

– Видите ли, у них в холодильнике нет еды. Я рассказываю в магнитофон все эти истории, и меня начинает мучить голод. Просыпаюсь посреди ночи, вспомнив, что забыл что-то наговорить, а есть нечего. – Он завернул половинку сэндвича в салфетку. – Все доставляют на заказ.

Но Цукерман уже отошел от столика. Оставил на кассе пятерку и двинулся дальше.

Пеплер нагнал его двумя кварталами западнее, когда Цукерман стоял у светофора на Лексингтон-авеню.

– Еще последнее...

– Послушайте...

– Не беспокойтесь, – сказал Пеплер, – я не стану просить вас прочитать мою книгу. Я хоть и псих, – это признание он подчеркнул, легонько стукнув Цукермана в грудь, – но не окончательный. Никто не просит Эйнштейна проверить банковские выписки.

Лесть на писателя не подействовала.

– Мистер Пеплер, что вам от меня нужно?

– Я просто хотел узнать, как по-вашему, такой проект по-

дойдет продюсеру вроде Марти Пате? Потому что его-то он и заинтересовал. Я не стал бы упоминать имена, ну да ладно – это он и есть. Меня не столько деньги беспокоят. Я не дам обвести себя вокруг пальца – и одного раза хватит, но пока что черт с ними, с деньгами. Меня другое волнует – могу ли я рассчитывать, что он честно расскажет о моей жизни, о том, через что я проходил в этой стране всю свою жизнь.

Издавательство, предательство, унижение – Цукерман ясно видел, через что Пеплеру пришлось пройти, безо всяких «размышлений».

Цукерман высматривал такси.

– Ничего не могу сказать.

– Но вы же знаете Пате!

– Никогда о нем не слышал.

– Марти Пате. Бродвейский продюсер.

– Не знаю такого.

– Но... – Он походил на какое-то крупное животное, которому на бойне стукнули по голове, оглушили, но не до конца. Вот-вот начнется агония. – Но... он вас знает. Он с вами знаком – через мисс О’Ши. Вы все вместе были в Ирландии. На ее день рождения.

Светские хроникеры назначили кинозвезду Сезару О’Ши и писателя Натана Цукермана «парой». На самом деле Цукерман видел ее не на экране, а в жизни один раз: ужинал с ней у Шевицев дней десять назад.

– Да, кстати, как поживает мисс О’Ши? Мне бы хотелось, –

сказал Пеплер, и взгляд его стал вдруг мечтательным, – сказать ей, хотелось бы, чтобы вы сказали ей это от меня, что она настоящая леди. Мнение человека из публики. На мой взгляд, она единственная настоящая леди в нынешнем кинематографе. И что бы кто ни говорил, мисс О’Ши им не запятнать. Я серьезно.

– Я ей передам.

Самый простой вариант. Чтобы не углубляться. – Во вторник лег поздно – она была в ночном шоу. «Божественное предназначение». Еще одно невероятное совпадение. Посмотрел передачу, а потом встретил вас. Я смотрел ее с отцом Пате. Помните папашу Марти? По Ирландии? Мистера Перльмуттера? – Смутно.

Пусть уж так, лишь бы унять его: слишком он перевозбуждался.

Сигналы светофора успели смениться уже несколько раз. Цукерман пошел наконец по переходу, Пеплер – за ним.

– Он живет с Пате, в их городском доме. Вы бы там много почерпнули – для описаний интерьеров, – сказал Пеплер. – На первом этаже офис. В холле сплошь фотографии с автографами. Видели бы вы, кто там. Виктор Гюго, Сара Бернар, Энрико Карузо. Марти их поставляет один дилер. Имена первого ряда – в огромном количестве. Люстра из чистого золота, портрет Наполеона маслом, бархатные шторы до полу. И это только в офисе. В холле – арфа, просто себе стоит. Мистер Перльмуттер говорит, Марти сам руководил оформ-

лением интерьеров. По фотографиям Версаля. Весьма ценная коллекция вещей Наполеоновской эпохи. Даже стаканы с такой же, как у Наполеона, золотой каймой. Наверху, где, собственно, Марти живет-обитает, все самого современно-го дизайна. Красная кожа, приглушенный свет, черные как смоль стены. Растения как в оазисе. Видели бы вы ванную! Свежие цветы в ванной! Счет за цветы – тысяча в месяц. Унитазы в форме дельфинов, ручки везде позолоченные. А еда вся на заказ, даже соль и перец. Никто ничего не готовит. Никто не моет посуду. У него там кухня на миллион долларов, но ею никогда не пользуются – разве что налить воды, чтобы запить аспирин. На телефоне – прямой набор ресторана по соседству. Старик звонит, и в мгновение ока – шиш-кебаб. С пылу с жару. А знаете, кто там еще сейчас живет? Она, конечно, то приходит, то уходит, но именно она впустила меня в понедельник, когда я заявился туда с чемоданом. Показала мне мою комнату. Нашла мне полотенца. Гейл Гибралтар.

Это имя ничего Цукерману не говорило. Думал он только об одном: если так и будет продолжаться, Пеплер потащится за ним до самого дома, а если поймать такси, Пеплер залезет туда с ним.

– Не стоит из-за меня отклоняться от своего маршрута, – сказал Цукерман.

– Ничего страшного! Дом Пате на углу Шестьдесят второй и Мэдисон. Мы почти соседи.

Откуда ему это известно?

– Вы такой дружелюбный человек, да? Я боялся просто подойти к вам. Сердце колотилось. Думал, у меня духу не хватит. Я читал в «Стар-леджере», что, когда поклонники стали вас слишком уж донимать, вы ездили в лимузине с опущенными шторками и с двумя громилами-телохранителями.

«Стар-леджером» называлась утренняя газета Ньюарка.

– Это про Синатру.

Пеплеру ремарка понравилась.

– Да, критики правду говорят, вы можете срезать одним словом. Разумеется, Синатра – он тоже из Джерси. Родился и вырос в Хобокене. До сих пор туда ездит навестить мать. Люди просто не понимают, как нас много.

– Нас?

– Парней из Джерси, ставших притчей во языцех. Вы ведь не обидитесь, если я съем сэндвич прямо сейчас? Трудно его нести – он истекает жиром.

– Как вам будет угодно.

– Не хочу вас смущать. Земляк-провинциал. Это ваш город, а вы такой человек...

– Мистер Пеплер, меня это несколько не смутит.

Пеплер осторожно, словно снимал хирургическую повязку, развернул бумажную салфетку, подался, чтобы не испачкаться, вперед и приготовился куснуть.

– Не стоит мне такое есть, – сообщил он Цукерману. – Прошли те времена. Я, когда служил, мог есть что угодно.

Надо мной все смеялись. Пеплер не человек, а мусорное ведро. Я этим славился. В Корее, под обстрелом, я выжил на таком, что и собака есть не станет. Заедал все снегом. Вы и представить себе не можете, что мне приходилось есть. Но потом эти сволочи заставили меня проиграть на третьей неделе Линкольну, на трехчастном вопросе по «Американе» – я бы на него во сне ответил, – и с того самого вечера у меня проблемы с желудком. Факт. Тот вечер меня доконал. Могу подтвердить документально – есть врачебные записи. Обо всем этом в книге написано. – Сказав это, он откусил сэндвич. Потом быстро откусил второй раз. Третий. Готово. Нет смысла длить агонию.

Цукерман протянул ему носовой платок.

– Благодарю, – сказал Пеплер. – Бог мой, вы посмотрите на меня – утираю рот платком Натана Цукермана.

Цукерман жестом показал, что ничего особенного в этом нет. Пеплер громогласно расхохотался. – Однако, – сказал он, тщательно вытирая пальцы, – возвращаясь к Пате, вы, Натан, говорите...

Натан.

– ...что по большому счету мне не о чем беспокоиться с продюсером такого ранга, с такими проектами.

– Я ничего подобного не говорил.

– Но... – встревожился! Снова на бойне! – Вы же его знаете, вы встречались с ним в Ирландии. Вы сами так сказали!

– Мельком.

– Так у Марти со всеми так. Иначе бы он ничего не успевал. Звонит телефон, слышишь, как секретарша по интеркому говорит, чтобы старик взял трубку, и ушам своим не веришь.

– Виктор Гюго на проводе.

Пеплер безудержно рассмеялся:

– Ближко к тому, Натан.

Он чудесно проводил время. Цукерман должен был признать, что и он тоже. Если расслабиться, этот человек даже забавен. По дороге из кафе домой можно подцепить кого-то и похуже.

Вот только откуда ему известно, что мы живем почти по соседству? И как от него отделаться?

– Звонки ему – это просто «Кто есть кто» международной индустрии развлечений. Я вам так скажу: я совершенно уверен, что проект просто взмоет ввысь, а Марти, кстати, там сейчас и находится. По делам. Угадайте где.

– Представления не имею.

– А вы попробуйте. Вы в особенности будете впечатлены.

– Я в особенности?

– Точно вам говорю.

– Вы меня озадачили, Алвин.

Алвин.

– В Израиле, – провозгласил Пеплер. – С Моше Даяном.

– М-да...

– Есть вариант с мюзиклом по Шестидневной войне. Юл



Бриннер уже, считай, подписал контракт на роль Даяна. С Бриннером для евреев это будет что-то.

– И для Пате тоже, разве нет?

– Господи Иисусе, он не может промахнуться. Он огребет кучу денег. Да у них на первый сезон все, считай, продано только за счет вечеринок после спектаклей, и это притом что сценария еще нет. Мистер Перльмуттер навел справки. Они в восторге от одной только идеи. Я вам еще кое-что скажу. Строго по секрету. Когда он на следующей неделе вернется из Израиля, я нисколько не удивлюсь, если он обратится к Натану Цукерману, чтобы тот помог с инсценировкой войны.

– Они обо мне думают?

– О вас, Германе Вуке и Гарольде Пинтере. Поминают эти три имени.

– Мистер Пеплер!

– Зовите меня Алвином.

– Алвин, кто вам это рассказал?

– Гейл. Гибралтар.

– А откуда у нее доступ к столь секретной информации?

– Ой, да господи. Во-первых, у нее потрясающая деловая хватка. Люди этого не понимают – видят только красоту. Но до того, как стать «девушкой “Плейбоя”», она работала гидом в ООН. Говорит на четырех языках. Но, разумеется, на орбиту она вышла, когда стала девушкой месяца в «Плейбое».

– На какую орбиту?

– Да на любую. Они с Пате буквально не сидят на месте. Оба владеют тайной вечного движения. Перед отъездом Марти узнал, что у сына Даяна день рождения, поэтому Гейл пошла и купила ему подарок – шахматы из чистого шоколада. Мальчик был в восторге. Вчера вечером она отправилась в Массачусетс – прыгать сегодня для ЮНЕСКО с самолета. Благотворительная акция. А в сардинском фильме, который они только что закончили снимать, она сама выполняла все трюки на лошади.

– Так она еще и актриса. В сардинских фильмах.

– Ну, корпорация сардинская. Фильм международный. Слушайте... – Он вдруг засмутился. – Она не мисс О’Ши, и близко нет. Мисс О’Ши – женщина стильная. В ней есть порода. Гейл, она...

она просто без заморочек. Этим от нее так и веет. Когда ты с ней рядом.

Пеплер густо покраснел, рассказывая, чем веет от Гейл Гибралтар, когда ты с ней рядом.

– А какие четыре языка она знает? – спросил Цукерман.

– Точно не скажу. Разумеется, один из них – английский. Насчет остальных у меня не было возможности выяснить.

– Я бы выяснил на вашем месте.

– Что ж, конечно, непременно. Отличная мысль. Второй, наверное, латышский. Она оттуда родом.

– А отец Пате? На каких четырех языках разговаривает он?

Пеплер понял, что его подкалывают. Но ведь не абы кто; и, чуть помедлив, он снова признательно, от души расхохотался:

– Ой, вы не беспокойтесь. С ним все без обиняков. Старичок просто восхитительный. Когда приходишь, всегда руку жмет. А как одевается, причем не кричаще, нет. И всегда такой милый, уважительный, любезный. Нет, вот кто мне придает уверенности, честно, так этот чудесный почтенный джентльмен. Он ведет всю бухгалтерию, подписывает чеки, а когда принимаются решения, вы уж поверьте, принимает их он – тихо, уважительно. В нем нет шика-блеска Марти, но он – скала, на которой все стоит.

– Надеюсь, что так.

– Прошу вас, вы за меня не беспокойтесь. Я свой урок усвоил. Меня сбросили со счетов, да так сбросили, что и вообразить было нельзя, как далеко забросят. Я с тех пор уже не тот. Я начинал заново после войны, а тут Корея. Я после этого опять начал заново, проделал путь до самой вершины, и вдруг – бах! Это моя лучшая неделя за десять лет, я здесь, в Нью-Йорке, и наконец, наконец-то открывается хоть какая-то дверь в будущее. Мое доброе имя, мое крепкое здоровье, мои флотские заслуги и, наконец, моя чудесная, преданная невеста, которая от меня сбежала. Я никогда ее больше не видел. Из-за этих мошенников и подонков я стал ходячим позором, и я теперь не намерен так подставляться. Я понимаю, о чем вы в своей шутливой манере пытаетесь меня

предупредить. Но вы не беспокойтесь, ваши ремарки я ловлю. Я предупрежден. Я уже не тот наивный провинциал, каким был в пятьдесят девятом. Я уже не думаю, что человек велик только потому, что у него сто пар обуви в шкафу и джакузи длиной три метра. А вы знаете, что меня собирались сделать спортивным обозревателем в воскресных вечерних новостях? Я должен был стать Стэном Ломаксом<sup>6</sup>. Или Биллом Стерном<sup>7</sup>.

– Но не сделали же.

– Натан, можно, я прямо скажу? Я бы что угодно отдал за возможность побыть с вами один вечер, какой вам будет удобно, и рассказать вам, что творилось в стране во времена Великого Айка. На мой взгляд, началом конца всего хорошего в этой стране стали эти викторины, мошенники, что их устраивали, и публика, которая на все это подседала, как на иглу. Там-то все и началось, а кончилось опять очередной войной, и на этот раз уже хочется орать во всю глотку. И президентом Соединенных Штатов стал лжец Никсон. Вот что подарил Эйзенхауэр Америке. Этого недоумка в туфлях для гольфа – вот что он оставил потомству. Но это есть в моей книге, подробно, шаг за шагом описано, как все, что было порядочного в Америке, опустилось до лжи и лжецов. Вы прекрасно понимаете, откуда у меня свои причины нервничать,

---

<sup>6</sup> Стэн Ломакс (1899–1987) – знаменитый спортивный обозреватель, много лет работал на американском радио.

<sup>7</sup> Билл Стерн (1907–1971) – американский актер и спортивный комментатор.

когда приходится связать свою судьбу с другими людьми, в том числе и с Марти Пате. Ведь я критикую страну совсем не так, как это делают в бродвейских мюзиклах. Вы согласны? Разве из такого можно сделать мюзикл, не смягчив то, как я порицаю систему?

– Не знаю.

– Мне обещали работу спортивного обозревателя при условии, что я не стану сообщать прокурору о том, что все с самого начала было мошенничеством, что даже той девчушке одиннадцати лет с хвостиками, они и ей давали ответы и даже матери ее ничего не говорили. Меня собирались каждое воскресенье показывать по телевидению со спортивными итогами. Все было рассчитано. Так они мне сказали. «Ал Пеплер с обзором недели». А потом трансляция домашних игр «Янки». И все из-за того, что они не могли позволить еврею слишком долго побеждать в «Умных деньгах». Тем более еврею, который не смолчит. Они запаниковали из-за рейтингов. Испугались, что публику это будет раздражать. Бейтман и Шахтман, продюсеры, встречались и обсуждали такие штуки до зари. Решали, кого выпустить на сцену с вопросом – вооруженного охранника или президента банка. Или звуконепроницаемая кабина – ее сразу ставить на сцену, или лучше пусть ее выкатит отряд скаутов. Ночи напролет два взрослых человека обсуждали, какой мне галстук подобрать. Это все правда, Натан. Но я вот о чем: если вы изучите эти программы так, как я, вы поймете, что мои со-

ображения о евреях совсем не беспочвенны. На трех каналах шло двадцать викторин, пять дней в неделю по семь штук. В среднем за неделю раздавали полмиллиона долларов. Я говорю о настоящих викторинах, не об угадайках и не о благотворительных программах, куда попадают только парализованные или безногие. Полмиллиона долларов в неделю, однако в золотые деньки, с тысяча девятьсот пятьдесят пятого по пятьдесят восьмой, не было ни одного еврея, получившего больше ста тысяч. Для евреев был установлен предел выигрыша, и это в тех программах, где почти все продюсеры сами были евреями. Чтобы сорвать банк, нужно было быть гоем вроде Хьюлетта. Чем больше ты гой, тем больше куш. И это на программе, которую делают евреи. Вот из-за чего я до сих пор бешусь. «Я буду учиться, я подготовлюсь, и, может, мне повезет». Знаете, кто это сказал? Авраам Линкольн. Настоящий Линкольн. Его я и процитировал на всю страну по телевидению, в первый же вечер на шоу, прежде чем уйти в кабинку. Я и знать не знал, что, поскольку мой отец не губернатор Мэна, а я не учился в Дартмутском колледже, шансы у меня совсем не такие, как у моего соседа, и через три недели меня спишут в утиль. Потому что я, видите ли, не общался с природой в лесах Мэна. Потому что, пока Хьюлетт просиживал задницу в Дартмутском колледже, учась лгать, я два года служил своей стране. Два года на Второй мировой, а потом меня еще и в Корею забрали! Но все это есть в моей книге. А войдет ли это в мюзикл – да как?

Взгляните в лицо фактам. Вы знаете эту страну как никто. Есть люди, которые, едва пойдут слухи, что я работаю над тем, над чем работаю, с Марти Пате, надавят на меня, и он мне даст от ворот поворот. Я не исключаю даже, что телеканалы предложат отступного. Или что Федеральная комиссия по связи его отстранит. Может, и самого Никсона подключат, чтобы его остановить. Меня представят как психически нездорового, как помешанного. Вот что они скажут Марти, чтобы его отпугнуть. Вот что они говорили всем, включая меня, включая родителей моей дурочки-невесты, включая, наконец, членов специального комитета при Палате представителей Соединенных Штатов. Вот что происходило, когда я отказался смириться с тем, что меня безо всякой причины свергли всего через три недели. Бейтман чуть не рыдал – так он беспокоился о моем душевном здоровье. «Знали бы вы, какие мы вели беседы о вашем характере, Алвин. Знали бы, каким сюрпризом для нас стало то, что вы оказались не тем надежным парнем, каким мы все вас считали. Мы так о вас беспокоимся, – говорит он мне, – что решили оплатить вам помощь психиатра. И хотим, чтобы вы посещали доктора Айзенберга до тех пор, пока не излечитесь от невроза и снова станете самим собой». – «Полностью поддерживаю, – говорит Шахтман. – Я хожу к доктору Айзенбергу, почему бы и Алвину не походить к доктору Айзенбергу. Наша контора не станет экономить пару жалких долларов, рискуя душевным здоровьем Алвина». Вот так они собирались меня

дискредитировать – выставив психом. Ну, эту песню быстро сменила другая. Потому что, во-первых, я не собирался лечиться у психиатра, а во-вторых, я хотел получить от них письменное соглашение, гарантирующее, что сначала у нас с Хьюлеттом будут три недели подряд ничьи, а потом я уйду. А через месяц, по просьбам зрителей, реванш, в котором он победит на последней секунде. Но не на тему «Американа». Я не собирался позволить гою снова победить еврея в этой теме, тем более на глазах всей страны. Пусть он победит в теме, например, «Деревья», сказал я, это их специализация, да и вдобавок никому ничего не говорит. Но допустить, чтобы евреи проигрывали в программе, идущей в прайм-тайм, на теме «Американа», я не согласен. И либо все это будет представлено в письменном виде, сказал я, либо я расскажу всю правду прессе, в том числе и про девочку с косичками, как они и ее подставили, сначала ответы давали, а потом заставили проиграть. Слышали бы вы тогда Бейтмана, как его взволновало мое психическое состояние. «Алвин, вы хотите погубить мою карьеру? Почему? Почему я? Почему Шахтман и Бейтман, после всего, что мы для вас сделали? Мы же вам зубы отбелили! Костюмчики с иголки! Дерматолог! И так вы нам намерены отплатить – пойдете рассказывать людям на улицах, что Хьюлетт вовсе не победитель? Алвин, эти угрозы, этот шантаж... Алвин, мы не закоренелые преступники, мы люди шоу-бизнеса. Не получается задавать вопросы наобум и делать хорошую программу. Мы



хотим, чтобы «Умные деньги» стали тем, чего американский народ с нетерпением ждет каждую неделю. Но если задавать вопросы наобум, никто не будет знать два правильных ответа подряд. Будет провал, а из провала развлечение не сделаешь. Нужно иметь сюжет, как в «Гамлете» или в чем-то еще первоклассном. Для зрителей, Алвин, вы, может, просто участники викторины. Но для нас вы нечто большее. Вы – артисты. Вы – творцы. Творцы, создающие для Америки искусство, как Шекспир в свое время создавал его для Англии. А это подразумевает сюжет, конфликт, напряжение и развязку. И развязка такова: вы должны проиграть Хьюлетту, и у нас в программе появится новое лицо. Разве в конце спектакля Гамлет уходит со сцены, говоря “Я не хочу умирать”? Нет, он доигрывает свою роль и остается лежать. Вот, собственно говоря, чем отличается туфта от искусства. Туфта – это когда все как хочешь и на все плевать, кроме денег, а искусство – оно *подконтрольно*, оно *управляемо*, это *всегда* мошенничество. И так оно овладевает людскими душами». На этом месте вступает Шахтман и говорит, что в награду меня сделают спортивным обозревателем – мне надо только молчать в тряпочку и не возникать. Так я и сделал. Но они, они-то разве сдержали слово, когда сказали, что это мне нельзя доверять?

– Нет, – сказал Цукерман.

– Не могу с вами не согласиться. Три недели, и все. Мне отбелили зубы, меня целовали в зад, три недели я был их героем. Меня принимал мэр. Я вам рассказывал? «Благодаря

вам название города Ньюарка услышала вся страна». Он сказал это в присутствии членов городского совета, и они мне аплодировали. В ресторане «Линди» меня попросили подписать мое фото, и его повесили на стену. Милтон Берл<sup>8</sup> подошел к моему столику и задал несколько вопросов – шутки ради. На одной неделе они ведут меня в «Линди» и кормят чизкейком, а на следующей говорят, что я в пролете. А в придачу всячески меня обзывают. «Алвин, – говорит мне Шахтман, – так вот вы какой, оказывается, а ведь вы сделали так много хорошего для Ньюарка, для своей семьи, для морпехов и для евреев. Всего-то очередной эксгибиционист, у которого одна мотивация – жадность?» Я был взбешен. «А у вас какая мотивация, Шахтман? А у Бейтмана? Какая мотивация у спонсора? А у канала?» Суть в том, что жадность тут совершенно ни при чем. Здесь уже речь шла о моем самоуважении. Как человека! Как ветерана войны! Как дважды ветерана войны! Как жителя Ньюарка! Как еврея! Вы понимаете, о чем они говорили: о том, что все, чем является Алвин Пеплер, его гордость за себя для какого-то Хьюлетта Линкольна – полнейшая чушь. Сто семьдесят три тысячи долларов – вот сколько он огреб, этот фальшивый чемпион. Тридцать тысяч писем от поклонников. У него взяли интервью более пятисот журналистов со всего мира. Другое лицо? Другая религия – вот какова мерзкая правда. Мне это боль-

---

<sup>8</sup> Милтон Берл (1908–2002) – американский комик, звезда телевидения 1950-х гг.

но, Натан. Мне до сих пор больно, и это не просто эгоизм, клянусь вам. Если Пате – мой шанс, тогда, разве вы не понимаете, тогда мне *надо* хвататься за него. Если сначала будет мюзикл, а потом книга, значит, таков уж путь к тому, чтобы обелить мое имя.

Из-под его темной шляпы тек пот, и он стал утирать его носовым платком, который раньше дал ему Цукерман, предоставив Цукерману возможность отступить от почтового ящика на углу улицы, где его успел зажать Пеплер. За пятнадцать минут два ньюаркца прошли один квартал.

Через улицу, напротив них было кафе-мороженое «Баскин Роббинс». Несмотря на прохладный вечер, посетители сновали туда-сюда, словно уже наступило лето. Внутри ярко освещенного кафе виднелась небольшая толпа – люди ждали, когда их обслужат.

Потому, что он не знал, что ответить, и, возможно, потому, что Пеплер так вспотел, Цукерман услышал, что спрашивает:

– Как насчет мороженого?

Конечно, Пеплер предпочел бы от Цукермана вот что: *Вас обокрали, погубили, подло предали – Автор «Карновского» бросает все силы на то, чтобы поддержать Пеплера в его горе.* Но Цукерман максимум мог предложить угостить мороженым. Да и вряд ли кто способен на большее, подумал он. – Ой, прошу прощения, – сказал Пеплер. – Мне очень неловко. Конечно, вы же проголодались, я вам все уши про-

жужжал, а вдобавок еще и половину вашего ужина съел. Это меня встреча с вами так потрясла. Простите, пожалуйста, что я увлекся своей историей. Я обычно держу себя в руках, не вываливаю людям на улице свои проблемы. Я так тих на людях, что им поначалу кажется, что я странный. Кто-то вроде мисс Гибралтар, – сказал он, покраснев, – считает, что я практически глухонемой. Слушайте, позвольте мне вас угостить.

– Нет-нет, совершенно ни к чему.

Но пока они переходили улицу, Пеплер продолжал настаивать:

– После того, сколько удовольствия вы доставили мне как читателю? После того, как я на вас столько всего вывалил? – Не давая Цукерману даже зайти в кафе со своими деньгами, Пеплер воскликнул: – Да-да, я угощаю, решено! Для нашего ньюаркского писателя, который заворожил всю страну! Для великого волшебника, который вытащил живого, дышащего Карновского из своей шляпы! Который загипнотизировал США! Да здравствует автор этого великолепного бестселлера! – А затем он вдруг посмотрел на Цукермана с той нежностью, с какой смотрит отец на любимого сынишку, взятого на прогулку. – С присыпкой, Натан?

– Разумеется.

– А какое именно?

– Давайте шоколадное.

– Два шарика?

– Да-да.

Пеплер шутливо постучал по черепу, показывая, что заказ запечатлен фотографической памятью, которой некогда гордился Ньюарк, вся страна и евреи, и поспешил в кафе. Цукерман остался ждать на тротуаре.

Но зачем?

Стала бы Мэри Мейпс Додж вот так ждать рожок с мороженым?

А Фрэнк Синатра?

А десятилетний мальчишка хоть с минимумом мозгов?

Сделав вид, что наслаждается чудесным вечером, он попробовал прогуляться до угла. А потом побежал. По переулку, и никто его не преследовал.

## «Вы – Натан Цукерман»

Несмотря на то что его нового номера не было в телефонной книге, Цукерман платил тридцать долларов в месяц за то, чтобы телефонистки принимали его звонки и выясняли, кто звонит.

– Как поживает наш прекрасный писатель? – спросила Рошель, когда он попозже вечером позвонил узнать, какие сообщения ему оставили. Она была менеджером компании и вела себя с клиентами, которых и в глаза не видала, как со старыми знакомыми. – Когда заскочите к нам, осчастливите девочек?

Цукерман ответил, что осчастливливает их и тем, что они слышат на его линии. Вполне добродушная шутка, впрочем, он верил, что это и в самом деле так. Но пусть уж лучше они подслушивают, лишь бы ему не пришлось самому отваживать непонятных людей, которым, похоже, не составляло труда заполучить его не внесенный в справочник телефон. Где-то вроде бы имелась контора, предоставлявшая номера телефонов знаменитостей по двадцать пять долларов за имя. Возможно, в сговоре с компанией, отвечающей на его звонки. А возможно, это она и есть.

– Звонил Король рольмопсов. Он на вас завернут, доро-

гуша. Вы – еврейский Чарльз Диккенс. Это его слова. Вы, мистер Цукерман, ему не перезвонили и тем самым ранили его в самое сердце.

Король рольмопсов полагал, что Цукерман должен пропагандировать в телерекламе какие-то закуски, и если не удастся заполучить мать Цукермана, ее сыграет актриса.

– Ничем не могу ему помочь. Следующее сообщение.

– Но вы же любите селедку – об этом есть в вашей книге.

– Селедку все любят, Рошель.

– Тогда почему бы не согласиться?

– Следующее сообщение.

– Итальянец. Два звонка утром, два днем. – Если Цукерман не даст ему интервью, итальянца, журналиста из Рима, выгонят с работы. – Думаете, так и есть, лапочка?

– Надеюсь, да.

– Он говорит, что не понимает, почему вы с ним так. Просто взбесился, когда узнал, что я всего лишь телефонистка. Знаете, чего я опасюсь? Что тогда он сам сочинит личное интервью с Натаном Цукерманом и в Риме его выдадут за настоящее.

– Он предложил какие-нибудь варианты?

– Он предложил массу вариантов. Сами знаете, когда итальянец заводится...

– Кто-нибудь еще звонил?

– Он оставил один вопрос, мистер Цукерман. Один вопрос.

– Я уже ответил на последний вопрос. Кто-нибудь еще?  
«Лора» – вот какое имя он ждал.

– Мелани. Три раза.

– Без фамилии?

– Без. Просто передайте, Мелани с Род-Айленда, вызов за счет вызываемого абонента. Он поймет.

– Штат большой – я не понимаю.

– Поняли бы, если бы приняли звонок. Вы бы тогда все поняли, – сказала Рошель, и в голосе ее появилась хрипотца, – всего за доллар. Потом вычли бы его из налогов.

– Я его лучше в банк отнесу.

Это ей понравилось.

– Я вас не осуждаю. Вы умеете экономить, мистер Цукерман. Готова поклясться, что вас налоговая служба не обдирает так, как меня.

– Забирают все, что могут.

– А как насчет налоговых убежищ? Макадамские орехи, случайно, не выращиваете?

– Нет.

– А скот не разводите?

– Рошель, я не могу помочь Королю рольмопсов, итальянцу или Мелани, и, как бы мне этого ни хотелось, вам я тоже помочь не могу. Ничего про эти убежища не знаю.

– Никаких убежищ? При ваших-то доходах? Так вам, должно быть, приходится отдавать до семидесяти центов с доллара. Вы что, сам себя обчищаете для развлечения?



– Мои развлечения серьезно расстраивают моего бухгалтера.

– Так что вы делаете? Ни убежищ, ни развлечений, а помимо обычных налогов еще дополнительные налоги Джона. Простите, но я скажу: если все и в самом деле так, мистер Цукерман, дядя Сэм должен перед вами на колени встать и задницу вам целовать.

Примерно то же несколькими часами ранее говорил ему инвестиционный консультант. Высокий, подтянутый, холерный джентльмен немногим старше Цукермана, с картиной Пикассо на стене кабинета. Мэри Шевич, спарринг-партнер и жена агента Цукермана Андре и почти мать клиентам Андре, надеялась, что Билл Уоллес повлияет на Натана, поговорив со своим аристократическим выговором с ним о деньгах. Уоллес тоже написал бестселлер – остроумные нападки на спецслужбы, сочиненные действительным членом теннисного клуба. По словам Мэри, экземпляр разоблачительной книжки Уоллеса «Бесчестные прибыли» волшебным образом действовал на муки совести всех состоятельных евреев-инвесторов, которым нравилось считать, что к системе они относятся скептически.

Мэри ничем нельзя было удивить; даже на Парк-авеню, в верхней ее части, она не теряла связи с глубинами низов. Ее мать была ирландская прачка в Бронксе – надо было слышать, как она говорит «ирландская прачка», – и Цукерманна она определила как человека, чьим тайным желанием бы-

ло добиться успеха среди высших кругов белых протестантов-англосаксов. То, что семья Лоры как раз из таких, было, по стандартам прачки, только началом. «Думаешь, – сказала ему Мэри, – если прикинуться, будто тебе плевать на деньги, никто не примет тебя за ньюаркского еврея?» – «Увы, есть и другие отличительные черты». – «Не наводи тень на плетень своими еврейскими шуточками. Ты понимаешь, о чем я. Жид».

Инвестиционный консультант-аристократ был само обаяние, Цукерман был максимально аристократичен, а Пикассо «голубого периода» было все равно: о деньгах не слушать, не говорить, не думать. Картина о трагических страданиях полностью очищала воздух вокруг. В словах Мэри было зерно. И представить нельзя, что они говорили о том, о чем люди умоляли, ради чего лгали, за что убивали или просто работали, с девяти до пяти. Можно подумать, они говорили ни о чем.

– Андре сказал, что в финансовых вопросах вы куда консервативнее, чем в своих книгах.

Цукерман, хоть и не был одет так же изысканно, как инвестиционный консультант, по такому случаю говорил столь же учтиво:

– В книгах мне нечего терять.

– Нет-нет. Вы просто человек рассудительный и ведете себя так, как любой рассудительный человек. Вы ничего не знаете о деньгах, знаете, что ничего не знаете о деньгах, и,

вполне понятно, что вы не очень расположены действовать.

Затем Уоллес целый час – так, будто это был первый учебный день в Гарвардской школе бизнеса – рассказывал Цукерману об основах инвестиций капитала и о том, что происходит с деньгами, когда их слишком долго держат в чулке.

Когда Цукерман собрался уходить, Уоллес ласково сказал:

– Если вам когда-нибудь понадобится помощь...

Спыхватился...

– Непременно понадобится...

Они пожали руки, чтобы обозначить: они понимают не только друг друга, но и знают, как прогнуть мир в нужную им сторону. В кабинете Цукермана все происходило иначе.

– Глядя на меня, так, может, и не скажешь, но теперь я уже знаю, какие цели ставят перед собой творческие личности. За долгие годы я пытался помочь кое-кому вроде вас.

Самоуничтожение. Громче имен, чем эти трое, в американской живописи не было. Уоллес улыбнулся:

– Ни один из них не знал ничего ни про акции, ни про облигации, но сегодня у всех них надежное финансовое положение. И у их наследников будет такое же. И дело не только в продаже картин. Они не больше вашего хотят заниматься торговлей. Да и к чему вам это? Вам надо работать дальше, не заботясь о состоянии рынка, и столько времени, сколько потребует работа. «Когда я думаю, что собрал все свои плоды, я не откажусь их продать, равно как я не стану отказываться от аплодисментов, если плоды хороши. Однако я не

желаю обманывать народ. Вот, собственно, и всё». Флобер.

Неплохо. Особенно если Шевицы не предупредили Уоллеса о том, какие у миллионера слабости. – Если мы начнем перекидываться цитатами из великих, где отрицается все, и лишь исключительность моего призвания неприкосновенна, – сказал Цукерман, – мы здесь просидим до завтрашней полуночи. Позвольте, я отправлюсь домой и обсужу все со своим чулком.

Разумеется, обсудить он это хотел с Лорой. Он все хотел обсудить с Лорой, но ее здравомыслия он лишился, и как раз тогда, когда на него навалилось так много. Если бы перед тем как от нее уйти, он сначала посоветовался с рассудительной Лорой, он бы, наверное, не ушел. Если бы они расположились в его кабинете, каждый с блокнотом и карандашом, они бы вместе просчитали, по обыкновению методично и практично, какие полностью предсказуемые последствия неминуемы, когда начинаешь жизнь заново в канун публикации «Карновского». Но он ушел в новую жизнь, потому что, среди прочего, ему уже было невыносимо располагаться с блокнотом и карандашом и просчитывать с ней все как обычно.

Прошло больше двух месяцев с тех пор, как грузчики вынесли из занимавшей весь этаж квартиры на Бэнк-стрит в Манхэттене его пишущую машинку, его рабочий стол, его ортопедическое рабочее кресло и четыре каталожных шкафа, набитые заброшенными рукописями, старыми дневниками, записками о прочитанном, новыми вырезками и пухлы-

ми папками писем, скопившихся с университетских времен. А также унесли, по их подсчетам, около полутонны книг. Лора, поборница справедливости, настаивала, чтобы Натан забрал половину того, что они нажили вместе, вплоть до полотенца, столовых приборов и одеял, а он настаивал, что возьмет только мебель из кабинета. Пока дебатировался этот вопрос, они стояли в слезах, держась за руки.

Цукерману было не в новинку переносить свои книги из одной жизни в другую. В 1949 году, когда он отправился из родного дома в Чикаго, в его чемодане лежали комментированное издание Томаса Вулфа и «Тезаурус» Роже. Четыре года спустя, в двадцать, он отвез из Чикаго пять коробок классики – покупал подержанные, выкраивал из денег на жизнь – к родителям на чердак, где они хранились два года, пока он служил в армии. В 1960-м, когда он развелся с Бетси, с уже не его полка он забрал тридцать коробок; в 1965-м, разведясь с Вирджинией, он забрал почти шестьдесят; в 1969-м он увез с Бэнк-стрит восемьдесят одну коробку. Чтобы их разместить, по его чертежам построили полки – три с половиной метра высотой, по трем стенам его нового кабинета; но хотя прошло уже два месяца и, хотя книги в его доме обычно первыми вставали на места, на сей раз они так и оставались в коробках. Полмиллиона страниц – никто их не открыл, не перевернул. Казалось, существует только одна книга – его собственная. И всякий раз, когда он пытался о ней забыть, кто-нибудь ему да напоминал.

Цукерман нанял столяра, купил цветной телевизор и восточный ковер – все в тот день, когда он переехал в верхнюю часть города. Он был исполнен решимости, невзирая на прощальные слезы, быть решительным. Но восточный ковер явился первой и последней попыткой заняться «декором». С тех пор покупал он вяло – кастрюлю, сковородку, блюдо, полотенце для блюда, штору в душ, холщовое кресло, обеденный стол, ведро для мусора – по одной вещи зараз, и только когда без этого было уже не обойтись. Через несколько недель на раскладушке из прежнего кабинета, через несколько недель размышлений о том, не совершил ли он ужасную ошибку, уйдя от Лоры, он собрался с силами и купил настоящую кровать. В «Блумингдейле», вытягиваясь во весь рост и проверяя, у какой марки самый твердый матрас, – а по этажу ползли слухи, что видели Карновского, лично проверяющего матрасы одному Богу известно для кого еще и для скольких еще, – Цукерман сказал себе: не бери в голову, ничто не потеряно, это ничего не изменило, а если придет день и грузчики повезут книги обратно на юг Манхэттена, они и новую двуспальную кровать заберут. Они с Лорой заменят ей ту, на которой они спали вместе или не спали вместе последние три года.

О, какую любовь и восхищение вызывала Лора! Безутешные матери, страдающие отцы, отчаявшиеся возлюбленные – все они постоянно слали ей подарки в знак благодарности за поддержку, которую она оказывала их близким, скрывав-

шимся в Канаде от призыва. Домашнее варенье они с Цукерманом ели за завтраком, коробки конфет она распределяла среди соседских детей, трогательные образчики домашнего вязанья относила квакерам, державшим лавку подержанных вещей «Мир и согласие» на Макдугал-стрит. А открытки, присланные с подарками, трогательные, душераздирающие записки и письма она хранила как дорогую память среди своих бумаг. Из соображений безопасности, на случай внезапного вторжения ФБР, бумаги отнесли к Розмари Дитсон, пожилой учительнице на пенсии – она жила по соседству, одна, в квартире в подвальном этаже, и тоже ее обожала. Лора взяла на себя ответственность за здоровье и благополучие Розмари через несколько дней после того, как Цукерманы переехали в этот квартал, когда увидела, как хрупкая встрепанная женщина пытается спуститься по бетонной лестнице, не уронив при этом пакеты с покупками и не сломав бедро.

Разве можно было не любить щедрую, преданную, внимательную, добросердечную Лору? Разве мог *он* ее не любить? Однако в последние месяцы в занимавшей весь этаж квартире на Бэнк-стрит общего у них была разве что взятая напрокат копировальная машина, стоявшая в выложенной кафелем просторной ванной.

Юридическая контора Лоры располагалась в гостиной в начале квартиры, его кабинет в комнате в конце, выходившей окнами в тихий двор. В обычный день, плодотворно поработав, он иногда вынужден был ждать своей очереди у две-

ри в ванную, пока Лора спешно копировала страницы, чтобы отправить их следующей почтой. Если Цукерману нужно было копировать что-то особенно длинное, он старался откладывать это на поздний вечер, когда она принимала ванну: тогда они, пока страницы падали, болтали. Как-то днем они даже занимались сексом на коврике около копировальной машины, но это было, когда ее только что поставили. Сталкиваться друг с другом в течение дня, со страницами рукописей в руках, было в ту пору в новинку: тогда многое было в новинку. Но к последнему их году они редко занимались сексом даже в кровати. Лорино лицо было все такое же милое, грудь все такая же налитая, и кто бы сомневался, что сердце у нее большое? Кто мог сомневаться в ее добродетельности, честности, воле? Но к третьему году он стал задумываться, не была ли Лорина воля щитом, за которым он прятал, даже от себя, свою собственную волю?

Несмотря на то что, заботясь о противниках войны, дезертирах и сознательных уклонистах, она трудилась днями, ночами и в выходные, она тем не менее ухитрялась записать в своем ежедневнике день рождения каждого ребенка на Бэнкстрит и в нужное утро клала в почтовый ящик семьи подарок: «От Лоры и Натана Ц.». То же самое и с их друзьями, чьи годовщины и дни рождения она также записывала – вместе с датами ее полета в Торонто или заседания суда на Фоли-сквер. Любого ребенка, встреченного в супермаркете или в автобусе Лора непременно отводила в сторону



и учила складывать из бумаги крылатую лошадь. Однажды Цукерман видел, как она через весь забитый народом вагон метро объясняла повисшему на петле мужчине, что у него из заднего кармана торчит бумажник – торчит, заметил Цукерман, потому что мужчина пьян в лоскуты и, скорее всего, нашел его в забытых кем-то вещах или подрезал у другого пьяницы. Хотя Лора была не накрашена, хотя ее единственным украшением был крохотный эмалевый голубь на лацкане пальто, пьяница, похоже, принял ее за наглую шлюху на охоте, и, схватившись за штаны, велел ей не лезть. После Цукерман сказал, что, возможно, он прав. Уж пьяниц она точно может доверить Армии спасения. Они поспорили по поводу ее неуклонного желания делать добро. Цукерман полагал, что всему есть пределы. «Это почему?» – резко спросила Лора. Это было в январе, всего за три месяца до выхода «Карновского».

На следующей неделе, когда ничто не держало его за запертой дверью кабинета, где он обычно проводил дни, усложняя жизнь самому себе на бумаге, он собрал чемодан и снова начал усложнять себе жизнь в реальности. С гранками и чемоданом переехал в гостиницу. Его чувство к Лоре умерло. Написав книгу, он все прикончил. Или, может, когда он закончил книгу, у него появилось время оглядеться и увидеть, что уже умерло; таким образом все обычно происходило с его женами. Эта женщина слишком хороша для тебя, говорил он себе, лежа на кровати в гостиничном номере

и читая гранки. Она – уважаемое лицо, которое ты обращаешь ко всем уважаемым, лицо, которое ты поворачивал к ним всю жизнь. Невыносимую скуку на тебя наводит даже не Лорина добродетель, а твое собственное уважаемое, ответственное, до оскомины добродетельное собственное лицо. И есть отчего. Это безусловный позор. Человек, хладнокровно предававший гласности самые сокровенные признания, жестоко изображавший своих любящих родителей в карикатурном виде, живописавший встречи с женщинами, с которыми был тесно связан доверием, сексом, любовью, – нет, этот разгул добродетели не по тебе. Обычная слабость – детская, пропитанная стыдом, непростительная слабость – обрекает тебя доказывать, что тебя лишь разрушает все, что вдыхает жизнь в твои писания, *так что перестань это доказывать*. Ее дело – путь праведности, твое – искусство изображения. И с твоими мозгами можно было не тратить полжизни на то, чтобы обнаружить разницу.

В марте он переехал в новую квартиру, в районе Восточных Восьмидесятых, отделив себя таким образом от Лоринного миссионерского рвения и нравственной высоты.

Закончив со службой, принимавшей звонки, и еще не взявшись за почту, Цукерман стал листать телефонную книгу – решил найти «Пате, Мартин». Какового там не оказалось. Он не смог найти и «Пате продакшнз» – ни в общем списке, ни в «Желтых страницах».

Он снова позвонил в телефонную службу.

– Рошель, я пытаюсь отыскать актрису Гейл Гибралтар.

– Повезло девчонке.

– У вас там есть какой-нибудь справочник по шоу-бизнесу?

– У нас, мистер Цукерман, есть все, что может понадобиться человеку. Я схожу посмотрю. – Вернувшись, она сообщила: – Гейл Гибралтар не имеется, мистер Цукерман. Наиболее подходящее – Роберта Плимут. Вы точно знаете, что это ее сценический псевдоним, а не настоящее имя? – Оно не похоже на настоящее. Впрочем, в последнее время многое не похоже. Она снималась в каком-то сардинском фильме.

– Одну минутку, мистер Цукерман. – Но, вернувшись, она не сообщила ничего нового. – Нигде не могу ее найти. Как вы с ней познакомились? На вечеринке?

– Я с ней незнаком. Она знакомая моего знакомого.

– Понятно.

– Он рассказал, что однажды она была девушкой месяца в «Плейбое».

– Хорошо, попробуем так. – Но и в списках моделей она не смогла отыскать никакой Гибралтар. – Мистер Цукерман, опишите ее, как она выглядит?

– Нет необходимости, – ответил он и повесил трубку.

Он открыл справочник на фамилии Перльмуттер. Ни одного Мартина. А из шестнадцати прочих Перльмуттеров ни

один не проживал на Восточной Шестьдесят второй улице.

Почта. Теперь – за почту. Ты завелся на пустом месте. Наверняка в справочнике есть «Сардинская корпорация». Никакой причины идти искать ее нет. Как и нет причины убегать. Прекрати убегать. От чего, скажи ради бога, ты бежишь? Прекрати воспринимать внимание к себе как покушение на твое личное пространство, как оскорбление твоего достоинства, хуже того – как угрозу жизни и здоровья. Ты не такая уж знаменитость. Давай не забывать, что бóльшая часть страны, бóльшая часть города не обратила бы внимания, если бы ты ходил с рекламным щитом, где написаны твое имя и отсутствующий в справочнике номер телефона. Даже среди писателей, даже среди писателей, которые хотят считаться серьезными, ты нисколько не титан. Не хочу сказать, что тебя не должны смущать подобные перемены, я скажу только, что известность, даже известность слегка предосудительная – слегка, по сравнению с Чарльзом Мэнсоном, или даже с Миком Джаггером, или Жаном Жене...

Почта.

Он решил, что лучше уж завершать почтой, а не начинать с нее – на случай, если он когда-нибудь снова решит взяться за работу; лучше вообще не читать почту, если он когда-нибудь снова решит взяться за работу. Но сколько можно игнорировать, отбрасывать, пытаться избегать – не до тех же пор, когда окажешься трупом в конторе гробовщика через несколько домов отсюда.

Телефон! Лора! За три дня он оставил ей три сообщения, и никакого ответа. Однако он был уверен, что это Лора, это непременно Лора, она так же одинока и потеряна, как и он. Однако для верности он подождал ответа телефонной службы и лишь потом тихонько снял трубку.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.